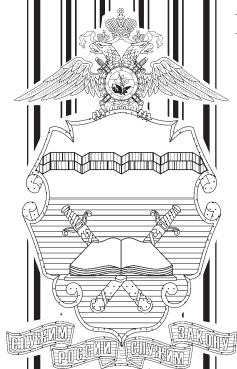


Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия



На правах рукописи

Козловский Петр Валерьевич

**Виды доказательств
в уголовном судопроизводстве:
эволюция, регламентация, соотношение**

Специальность 12.00.09 — Уголовный процесс

*Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук*

Омск 2013

Работа выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научный руководитель:

Кальницкий Владимир Васильевич —

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Томин Валентин Тимофеевич —

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Таричко Ирина Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральская государственная юридическая академия» (г. Екатеринбург)

Защита состоится 23 мая 2013 г. в 10⁰⁰ час. на заседании диссертационного совета Д 203.010.01, созданного на базе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», по адресу: 644092, г. Омск, пр. Комарова, д. 7, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Омской академии МВД России.

Автореферат разослан 15 апреля 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

Баландюк В. Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Исследование общих и частных вопросов доказательственного права, являющегося сердцевиной права уголовно-процессуального, представляется наиболее продуктивным направлением оптимизации всей совокупности уголовно-процессуальных отношений, обнаруживающих в современный период признаки неустойчивости. Приоритетного внимания в этом праве требует форма доказательственных сведений (именуемая в названии работы видами доказательств), поскольку (перефразируя давно сказанное) именно от искусства определять, что есть доказательство, зависит эффективность уголовного судопроизводства в целом.

Поиск объяснений несистемному, порой хаотичному и противоречивому развитию уголовно-процессуального законодательства, предельной формализации правоприменительной деятельности (выходящей за рамки ценности уголовно-процессуальной формы) заставляет обратить внимание на регламентацию видов доказательств как на один из факторов, косвенно определяющих складывающееся положение.

Действующая система видов доказательств содержит внутренние противоречия, порождающие конкуренцию данных видов между собой, что требует понимания истоков современного соотношения видов доказательств, закономерностей формирования их системы.

Изначальной (в историческом плане) можно считать совокупность доказательств, состоящую из показаний и явных следов преступления. В ходе длительной эволюции под влиянием самых различных факторов (естественная неоднородность вовлекаемых в процесс сведений, научно-технический прогресс, совершенствование методов собирания следов преступления, развитие учения об участниках уголовного процесса и регламентация их статуса, необходимость обеспечения состязательного начала и др.) деление доказательств на виды становится дробным, а сами доказательства специализируются.

Система доказательств «перешагнула» через естественное основание градации содержащихся в них сведений, каким традиционно считают четыре формы получения и использования доказательственной информации (А. А. Давлетов): устные пояснения, рассказы людей; вещи и документы, несущие в себе необходимые сведения; информацию, исходящую от сведущих лиц; сведения, полученные органами уголовного судопроизводства собственными поисковыми действиями. В результате специализации доказательств показания стали различаться в зависимости от статуса участника, прочие устные сведения оказались содержанием протоколов следственных действий или иных документов, фактические данные, полученные с использованием специальных знаний, присутствуют в нескольких видах доказательств, отчетливо стала видна конку-

ренция вещественных доказательств и документов и т. д. Другими словами, сведения одного рода вошли в содержание различных видов доказательств. Такой вид доказательств, как «иные документы», стал включать в себя сведения любого характера и дублировать другие виды доказательств.

Виды доказательств никогда не были разграничены абсолютно, всегда существовали сведения, отнесение которых к конкретному виду доказательств вызывало споры. Значимость этой проблемы возросла с усилением требований к допустимости доказательств. Существование однородных сведений в различных уголовно-процессуальных формах приводит к тому, что правоприменитель, а иногда и законодатель, вопреки правилу о непредустановленности доказательств и безотносительно к оценке достоверности сведений, вынуждены отдавать предпочтение отдельной процессуальной форме (например, заключению эксперта перед заключением специалиста, актом исследования в стадии возбуждения уголовного дела, заключением эксперта, полученным по делу об административном правонарушении, и т. п.). Положение усугубляется тем, что отсеивание неопороченных сведений по мотивам их ненадлежащей процессуальности происходит, как правило, «на входе» в уголовное дело, когда еще нет их судебной интерпретации.

Приоритет уголовно-процессуальной формы проявляется не в отторжении непроцессуального, а в проверке и оценке в установленном порядке в досудебном и, главное, в судебном производстве полученных сведений. Поэтому представляется, что не стоит однозначно говорить о неприемлемости процедур, которые в ряде отраслей законодательства (налоговом, таможенном и др.) приближаются к уголовно-процессуальному порядку, нередко скопированы с него, порой с приращением гарантий. Вместе с тем при действующей системе видов доказательств результаты, например, сложнейшего авиационного эксперимента или заключения экспертизы в рамках административного расследования, представленные сторонами, не могут претендовать на изначальное равенство по статусу результатам заключения судебной экспертизы или следственного действия. Это, в свою очередь, влечет иные негативные последствия в виде исключения законным способом полученных относимых и достоверных сведений из процесса доказывания. Кроме того, исключение отдельных сведений побуждает правоприменителя повторно получать их посредством производства следственных действий, поскольку иные процессуальные действия по собиранию доказательств (истребование, представление и др.) позволяют сформировать на основе даже самого сложного внеуголовно-процессуального экспертного исследования только иной документ. В результате существенно возрастает затратность уголовного судопроизводства.

Дополнительное «напряжение» в проблему соотношения и конкуренции видов доказательств внес Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который, во-первых, указал, что полученные в ходе проверки сообщения о пре-

ступлении сведения (в том числе объяснения, результаты исследований) могут быть использованы в качестве доказательств, что в системе действующего регулирования придает приоритет одним разновидностям «иных документов» перед другими; во-вторых, придавал заключению эксперта, полученному до возбуждения уголовного дела, признаки неполноценного доказательства, поскольку по ходатайству стороны защиты обязательна повторная экспертиза; в-третьих, заключением специалиста назвал результаты исследования в стадии возбуждения уголовного дела, что не согласуется с нормативной и судебной интерпретацией заключения специалиста как вида доказательств.

Представляется, что в свете изложенного вопрос о соотношении видов доказательств и оптимизации их системы является актуальным.

Научная разработанность проблемы. Вопросам доказательств и доказывания в сфере уголовного судопроизводства посвящены имеющие непреходящую ценность работы дореволюционных ученых Я. И. Баршева, А. М. Бобрищева-Пушкина, Л. В. Владимирова, З. Д. Горюшкина, В. Г. Демченко, Ф. М. Дмитриева, М. В. Духовского, Н. Л. Дювернуа, К. Д. Кавелина, А. Ф. Кони, В. А. Линовского, С. О. Пахмана, С. В. Познышева, Н. Н. Розина, В. И. Сергеевича, В. К. Случевского, В. Д. Спасовича, И. Я. Фойницкого, Н. Н. Шалфеева и др. Теория доказательств советского уголовного процесса, в том числе система видов доказательств, фундаментально разработана в трудах В. Д. Арсеньева, Р. С. Белкина, А. И. Вимберга, М. М. Выдри, А. Я. Вышинского, Г. Ф. Горского, М. М. Гродзинского, В. Я. Дорохова, Н. В. Жогина, Л. М. Карнеевой, Л. Д. Кокорева, А. Н. Копьевой, Н. П. Кузнецова, Г. М. Миньковского, О. Я. Мотовиловкера, А. М. Ларина, С. С. Овчинского, Р. Д. Рахунова, В. М. Савицкого, Н. А. Селиванова, П. П. Сердюкова, М. С. Строговича, Ф. Н. Фаткуллина, А. А. Хмырова, М. А. Чельцова, М. Л. Шифмана, П. С. Элькинд, Н. И. Якимова, М. Л. Якуба и др.

В поздний советский и последовавший за ним реформенный периоды вопросы доказательств и доказывания анализируются применительно к обновляющемуся законодательству (что вызвало обострение полемики и определенную поляризацию позиций) в работах Т. В. Аверьяновой, В. А. Азарова, А. С. Александрова, Ю. Г. Алексеева, В. С. Балакшина, А. М. Баранова, Д. И. Беднякова, Б. Т. Безлепкина, А. Р. Белкина, В. П. Божьева, В. Л. Будникова, Н. Б. Голиковой, А. А. Давлетова, Е. А. Доли, Н. Н. Егорова, А. А. Зимина, З. З. Зинатуллина, В. В. Золотых, Р. В. Костенко, А. А. Кухты, В. А. Лазаревой, П. А. Лупинской, А. Г. Манькова, И. Б. Михайловской, Э. М. Мурадян, А. И. Новикова, И. А. Новикова, Ю. К. Орлова, С. А. Пашина, И. Л. Петрухина, Г. А. Печникова, Ю. Г. Плесовских, А. В. Победкина, М. П. Полякова, Ю. Н. Прокофьева, Г. М. Резника, Е. Р. Россинской, А. П. Рыжакова, А. В. Смирнова, В. Т. Томина, В. Т. Ульяновой, С. А. Шейфера и др.

Осмыслению современных вопросов доказательственной деятельности, протекающей в условиях охранительного состязательного судопроизводства, посвящен ряд докторских (В. С. Балакшин, А. Р. Белкин, Н. Н. Егоров, Р. В. Костенко, А. А. Кухта, В. А. Лазарева, Г. А. Печников, А. В. Победкин) и кандидатских

диссертаций (В. О. Агибалова, Р. А. Бостанов, Ю. Ю. Воробьева, Л. В. Воронина, О. А. Глобенко, Е. Б. Гришина, О. В. Голованова, Т. С. Дегтярь, Л. Г. Демручев, К. В. Диденко, С. Н. Еремин, З. Ю. Захохов, А. Г. Зверев, Д. А. Лопаткин, М. В. Лопатников, В. А. Камышин, А. Н. Корнеева, С. А. Новиков, И. П. Пилошин, Н. А. Попова, А. В. Ролик, Д. В. Шинкевич, В. С. Шишкин, В. А. Ярцева и др.).

Такая научная активность свидетельствует, что созданное многими поколениями юристов учение об уголовно-процессуальных доказательствах нуждается в адаптации к новым правовым, научно-техническим и социальным условиям. В русле и в развитие предпринимаемых научных усилий, как полагает диссертант, имеется необходимость подвергнуть комплексному монографическому исследованию виды уголовно-процессуальных доказательств в их совокупности, взаимосвязи и соотношении, а также в контексте доказательственной деятельности в целом.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является разработка и обоснование рекомендаций по оптимизации системы видов доказательств в уголовном судопроизводстве, совершенствование нормативного регулирования и правоприменительной деятельности, связанной с вовлечением в процесс доказывания сведений, относящихся к различным видам доказательств.

Указанная цель определила постановку и разрешение следующих основных задач:

— проследить на основе исторических и действующих нормативных источников процесс возникновения и развития видов уголовно-процессуальных доказательств;

— выявить предпосылки количественного возрастания относительно самостоятельных форм хранения и использования доказательственных сведений – видов доказательств;

— проанализировать факторы, повлиявшие на развитие видов доказательств, вычленив среди них обстоятельства объективного (закономерности, отражающие внутреннее содержание доказательственных сведений, развитие способов уголовно-процессуального познания и т. д.) и субъективного (вкусовые, не опирающиеся на научные представления о доказательственной деятельности) характера;

— изучить регламентацию способов получения юридически значимых сведений об имевших место событиях (происшествиях, правонарушениях, преступлениях) в смежных отраслях законодательства, сопоставить ее с порядком собирания уголовно-процессуальных доказательств;

— исследовать на основе уголовных дел формы хранения и использования: а) вербальной информации; б) специальных знаний; в) результатов непосредственного восприятия обстановки органами расследования;

— проверить рабочую гипотезу о придании в законодательстве и в правоприменительной деятельности неравного значения однородным сведениям, формально относящимся к разным видам доказательств;

— исследовать современную систему видов доказательств, оценить ее пригодность для полного вовлечения в процесс доказывания относимых и достоверных сведений, полученных с соблюдением законных требований;

— выработать критерии деления доказательств на виды, пригодные для дальнейшего совершенствования системы видов доказательств;

— разработать авторскую систему видов доказательств.

Объектом исследования выступают урегулированные правом и фактически сложившиеся общественные отношения, возникающие в процессе собирания, проверки и оценки доказательств по уголовным делам, использования в доказывании сведений, получаемых с помощью различных видов доказательств.

Предметом исследования является отечественное и зарубежное законодательство, памятники права, их официальное и доктринальное толкование, а также практическая деятельность, связанная с доказыванием по уголовным делам.

Методологической основой исследования послужила материалистическая диалектика. Для решения отдельных задач использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, системно-структурный), частнонаучные (статистический, анкетирование, интервьюирование) и частноправовые (логико-юридический, историко- и сравнительно-правовой) методы познания.

Теоретической основой стали труды в области философии, общей теории права, уголовно-процессуального права, криминалистики, оперативно-розыскной и различных видов административной деятельности. Непосредственными источниками стали монографии, учебники, учебные пособия, комментарии к законам дореволюционных, советских и современных авторов, авторефераты, диссертации, справочная литература, научные статьи и иные материалы, связанные с различными аспектами объекта исследования.

Нормативную основу исследования составляют памятники российского права (Русская Правда, губные и судные грамоты, Судебники 1497 и 1551 гг., Соборное уложение 1649 г., Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и др.), Конституция Российской Федерации, нормы международного права, федеральные конституционные и федеральные законы, зарубежное законодательство, постановления Правительства Российской Федерации и другие подзаконные акты. Также были изучены решения Конституционного суда Российской Федерации, Европейского суда по правам человека и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Эмпирическую основу исследования составляют результаты изучения 200 уголовных дел и 110 материалов о возбуждении перед судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей, рассмотренных судами Омской, Новосибирской, Томской, Тюменской областей, Пермского края и Ханты-Мансийского автономного округа–Югры в 2009–2012 гг., результаты анкетирования 150 следователей, дознавателей, судей Омской, Томской, Свердловской, Тюменской облас-

тей, Ханты-Мансийского автономного округа–Югры. Также были опрошены адвокаты, сотрудники экспертно-криминалистических и оперативных подразделений УМВД России по Омской области. Использовались данные официальной статистики и результаты эмпирических исследований, опубликованных другими авторами, а также личный опыт работы диссертанта в качестве следователя.

Научная новизна исследования заключается в том, что диссертант продолжил разработку вопросов оптимизации видов доказательств с учетом современного уровня развития уголовно-процессуального и смежных отраслей законодательства и в контексте повышения эффективности правоприменительной деятельности. Диагностирована проблема конкуренции доказательств как негативного аспекта их соотношения. Предпринята попытка описания признаков проявления конкуренции и обоснования путей ее преодоления. Предложена авторская концепция системы видов доказательств.

Научную новизну диссертации определяют также следующие **основные положения, выносимые на защиту**:

1. Сформировавшаяся в ходе длительной эволюции система уголовно-процессуальных доказательств, в основе которой лежит объективная необходимость отражения разной сущности используемых сведений (устных сообщений, непосредственно воспринятой информации, результатов использования специальных знаний, материальных объектов), на современном этапе развития уголовно-процессуального права подвержена наслоению субъективного (случайного) характера, что не позволяет говорить о ее оптимальности.

2. Имеющее место сочетание универсальности системы доказательств (конкретный вид доказательств предназначен для хранения и использования всех однородных сведений) со специализацией отдельных доказательств (конкретный вид доказательств сохраняет, например, устные сведения, сообщенные только определенным участником или собранные представителем конкретной стороны) в условиях возросших требований к соблюдению процессуальной формы устанавливает, вопреки принципу свободной оценки доказательств, их иерархию (совершенные и несовершенные доказательства), затрудняет вовлечение в процесс доказывания достоверных сведений, полученных в соответствии с законом.

3. Ситуация, когда однородные сведения могут содержаться в различных видах доказательств, приводит в правоприменительной деятельности к приоритету одной процессуальной формы по отношению к другой и порождает конкуренцию доказательств, под которой понимаются случаи, когда сведения, которые могут быть собраны и тем, и другим предусмотренным законом видом доказательств (на определенном историческом этапе произошедших от одного разделившегося доказательства), исключаются из использования на том основании, что они не отвечают специфическим правилам получения конкретного вида доказательств. При этом сомнений в их относимости и достоверности нет.

4. Построение системы видов доказательств на основе принципа специализации (дробления, дифференциации) доказательств гипотетически возможно при его абсолютно полной реализации, т. е. когда будут предусмотрены показания всех участников уголовного судопроизводства, самостоятельную форму получают все иные вербальные сведения и протоколы всех процессуальных, а не только следственных действий, самостоятельно будут учтены все формы проявления специальных знаний и разновидности письменных, электронных, фотографических и иных материалов и т. д. В этом случае при максимальной доступности относимой к делу информации исчезает почва для конкуренции видов доказательств, поскольку у каждой разновидности сведений будет собственная узаконенная естественная для нее форма. Однако подобная специализация потребует как минимум стабильности уголовно-процессуального законодательства, учета всех достижений научно-технического прогресса и смежных процессуальных отраслей права, что обязывает рассматривать ее как идеальную модель отдаленного будущего.

5. В настоящий период развития российского общества, характеризующийся кардинальным реформированием ряда уголовно-процессуальных институтов, в частности расширением состязательных начал, предполагающих активность сторон и отдельных участников процесса в собирании доказательственных сведений, усиливающейся процессуализацией гласной оперативно-розыскной деятельности и регламентацией юридических процедур в ряде смежных отраслей права, развитием технических средств передачи и сохранения информации, действующая система видов доказательств должна приобрести большую универсальность, поскольку современные формы доказательств сдерживают вовлечение в доказывание доброкачественных сведений.

6. В основе деления доказательств на виды должно лежать их содержание (природа сведений, на основе которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию), в котором различаются: 1) вербальная информация; 2) результаты исследований с применением специальных знаний; 3) непосредственное восприятие (методом наблюдения); 4) иные сведения, не относящиеся к вышеуказанным группам.

7. Сведения, носителями которых выступают предметы материального мира, вводятся в процесс доказывания через протоколы следственных действий и заключения экспертов. Поэтому понятие «вещественные доказательства», традиционно выделяемое в качестве самостоятельной разновидности процессуальной формы доказательственных сведений, на самом деле таковой не является и подлежит исключению из системы видов доказательств.

8. Описание системы видов уголовно-процессуальных доказательств, построенной исключительно на основе специфики содержания вовлекаемых в доказывание сведений и предлагаемой для закрепления в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, должно иметь следующую редакцию: «*В качестве доказательств допускаются: 1) показания; 2) заключение эксперта; 3) протоколы процессуальных действий; 4) иные документы*». При этом в рамках уголовного судопро-

изводства однородные сведения должны содержаться в одном виде доказательств.

9. Развитие порядка получения устанавливающих сведений в ряде смежных отраслей законодательства, регламентирующих таможенные, налоговые и другие виды так называемых административных расследований, привело к тому, что сведения, полученные за рамками уголовного судопроизводства, могут обладать равными, а иногда и большими процедурными гарантиями. Поэтому не должно быть искусственных предварительных препятствий для вовлечения в процесс судебной проверки и оценки таких сведений по правилам соответствующих видов доказательств, что предложено регламентировать в законе.

Теоретическое и практическое значение результатов исследования состоит в том, что они обогащают теоретическую основу использования доказательств в уголовном судопроизводстве. Выводы и предложения, сделанные в исследовании, могут помочь в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства и подзаконных актов. Использование результатов исследования возможно также в практической деятельности правоохранительных органов, в том числе и в рамках действующего правового регулирования. Положения диссертационного исследования применимы в преподавании дисциплин «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)», «Предварительное следствие в органах внутренних дел», «Дознание в органах внутренних дел» и др. Они могут оказаться полезными при подготовке проблемных научных и учебно-методических работ.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли свое отражение в 17 научных статьях общим объемом 5,61 п. л., пять из которых опубликованы в научных журналах и изданиях, которые включены в перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий для публикации основных научных результатов диссертации. Результаты исследования обсуждались на различных научных форумах: ежегодной межвузовской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей «Преемственность и новации в юридической науке» (Омск, 2009–2012 гг.), ежегодной международной научно-практической конференции «Совершенствование деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью в современных условиях» (Тюмень, 2010–2012 гг.), региональной методической конференции «Актуальные проблемы психологического обеспечения служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов» (Омск, 2010 г.), ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Томск, 2011 г.), ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы правоприменения в современной России» (Омск, 2011 г.), ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации» (Омск, 2011 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Полиция — новый инсти-

тут современной государственной правоохранительной системы» (Омск, 2011 г.), межвузовской научно-практической конференции «Уголовное досудебное производство: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики» (Омск, 2012 г.).

Результаты диссертационного исследования нашли отражение в научных статьях и практических рекомендациях, внедренных в учебный процесс Омской академии МВД России, а также в практическую деятельность МВД по Республике Карелия, ГУ МВД России по Челябинской области, УМВД России по Омской области.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы; определяются цель и задачи, объект и предмет исследования; раскрываются его методологическая и эмпирическая основы, теоретическое и практическое значение, научная новизна; формулируются основные положения, выносимые на защиту; приводятся сведения об апробации результатов исследования.

Глава первая «Эволюция видов доказательств в российском уголовном судопроизводстве», включающая два параграфа, посвящена анализу базовых понятий и развитию видов доказательств в период с X в. до начала судебно-правовой реформы новейшего времени. Теоретические выводы данной главы являются основой для анализа и оценки современной системы доказательств.

В *первом параграфе* «Понятие вида доказательств» диссертант отмечает, что система доказательств, закрепленная в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, является формой для юридически значимых сведений, используемых в процессе доказывания. Однако в теории уголовного процесса отсутствует общепризнанное устоявшееся определение сущности указанных категорий. Показания подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста и др. именуется «источниками доказательств», «видами доказательств», «формой доказательств».

Отдельные авторы (Л. М. Карнеева, З. З. Зинатуллин и др.) в качестве источника доказательств называют категории, перечисленные в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, или их аналоги предшествующего законодательства, отождествляя источник с процессуальной формой. Другие полагают, что источник должен лежать вне содержания и формы (В. Я. Дорохов, В. Д. Арсеньев, А. Н. Копьева и др.), относя к источникам доказательств лиц, от которых исходят сведения, или место обнаружения вещественных доказательств.

Анализируя понятия «род», «вид» и «источник», автор приходит к выводу о допустимости классификации доказательств в зависимости от процессуаль-

ной формы и полагает, что термин «вид» в большей степени отражает содержание категорий, перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, для которых понятие «доказательства» является родовым. Вместе с тем соискатель отмечает, что такое понимание базируется на нормативном определении доказательств, которым охватываются сведения, полученные в ходе уголовно-процессуальной деятельности, не прошедшие проверку на предмет относимости, допустимости и достоверности. Иное понимание доказательств, например, как судебных фактов (А. С. Александров), делает их деление на основе уголовно-процессуальной формы неуместным.

Исходя из того что предметом исследования является формально-процессуальный аспект понятия «доказательства», автор полагает целесообразным именовать категории, перечисленные в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, видами доказательств.

Во *втором параграфе* «История формирования видов доказательств» предпринята попытка проследить развитие системы видов доказательств в российском уголовном судопроизводстве с X в. до начала 90-х гг. прошлого столетия, выявить факторы, обусловившие ее современное состояние.

Диссертант отмечает, что в процессе длительной эволюции система видов доказательств, состоявшая в X в. из двух элементов — показаний и явных следов преступления, изменялась, становясь более дробной.

Не всегда развитие видов доказательств происходило эволюционным путем в силу объективно возникающих потребностей уголовного судопроизводства (развитие техники, совершенствование статуса участников процесса и способов собирания доказательств и др.). Порой законодатель вторгался в доказывание для достижения иных целей. Например, на рубеже XVII–XVIII вв. развитие формальной теории доказательств было связано с потребностью ограничить произвол правоприменительных органов, с одной стороны, и необходимостью обеспечить реализацию государственной политики в период реформирования государственного устройства — с другой. Позднее названная теория показала свою неэффективность, и в ходе судебной реформы 1864 г. произошло упрощение процессуальной формы. Внешние (по отношению к процессу уголовно-процессуального познания) факторы оказывали влияние на виды доказательств и в другие исторические периоды.

Сложности отнесения отдельных сведений к определенному виду доказательств существовали на протяжении большей части истории развития доказательственного права. Полемику по этим вопросам можно встретить как в исследованиях посвященных древнерусскому периоду (В. Г. Демченко, Н. Л. Дювернуа, С. В. Пахман), так и в работах, освещающих уголовное судопроизводство в XVIII–XIX вв. (Я. И. Баршев, В. А. Линовский, Л. В. Владимиров, М. В. Духовской).

На различных этапах исторического развития указанная проблема то обострялась, то теряла свою актуальность в зависимости от усиления или ослабления формальных требований к доказательствам. Процессы, связанные с формализацией и деформализацией доказывания, носили циклический характер,

сменя друг друга в зависимости от складывающейся политической обстановки, сочетаясь с объективными факторами.

Существенное увеличение количества процессуальных форм для сведений одного рода обусловлено развитием в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. стадии возбуждения уголовного дела, проверочные действия в рамках которой стали дублировать многие следственные действия. В результате произошло усложнение понятия «иные документы». В правоприменительной деятельности начала проследиваться тенденция придания большего значения сведениям, полученным в рамках следственных действий, в связи с более развитой процедурой их проведения. Произошло дальнейшее дробление видов доказательств, обусловленное увеличением количества статусов участников уголовного процесса. Указанные факторы привели к специализации доказательств, в результате которой отнесение сведений к определенному виду стало определяться не их существом, а иными причинами (процедурой получения, процессуальным статусом участника и т. п.).

Соискатель приходит к выводу, что эволюция видов доказательств протекала по нескольким направлениям. Во-первых, происходило усложнение содержания и развитие свойств отдельных видов доказательств, которое приводило к возникновению новых видов. Во-вторых, изменение процессуальной формы не являлось линейным процессом. Процессы усложнения и упрощения процессуальной формы сменяли друг друга в разные исторические периоды. В-третьих, эволюция видов доказательств была тесно связана с развитием учения об участниках уголовного судопроизводства.

В результате дробления доказательств на виды и усложнения их содержания сведения одного рода (например, вербальная информация и др.) стали входить в состав различных видов доказательств (показания, протоколы следственных действий, иные документы). Как следствие, возникло различное отношение при оценке одной и той же информации в зависимости от процессуальной формы.

Глава вторая «Современная регламентация системы видов доказательств» представлена двумя параграфами и посвящена анализу форм доказательственных сведений в период подготовки и действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, т. е. с учетом новых социально-политических, международно-правовых, нормативных реалий, а также обобщенной оценке действующего нормативного регулирования в исследуемом аспекте.

Первый параграф «Регламентации видов доказательств в действующем уголовно-процессуальном законодательстве» освещает динамику обсуждения, принятия, действия и корректировки нормы ч. 2 ст. 74 УПК РФ. В основе параграфа лежит тезис, что совокупность перечисленных в ней категорий является системой взаимосвязанных элементов, которая может быть эффективной только при их гармоничном сочетании.

Диссертант обозначает, что новейшая история формирования и функционирования видов доказательств тоже сопряжена как с внутренними, так

и с внешними по отношению к процессу доказывания факторами, выявляет ошибочные решения и нереализованные потребности. В работе оценены потенциальные (результаты оперативно-розыскной деятельности, показания лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, и др.) и действовавшие определенное время (акты ревизий и документальных проверок) виды доказательств. Констатируется, что меняющееся содержание видов доказательств требует соответствующего изменения их форм.

При исследовании показаний диссертант приходит к выводу, что доказательственное право, во многом развившееся под влиянием учения об участниках уголовного судопроизводства, все же значительно от него отстает. Среди видов доказательств отсутствуют показания отдельных участников (гражданского истца, гражданского ответчика и др.), а также встречается несоответствие содержания показаний процессуальному статусу участников уголовного судопроизводства (показания соучастника преступления, допрошенного по выделенному уголовному делу в качестве свидетеля; лица, в отношении которого фактически осуществляется уголовное преследование, и др.).

Автор указывает на широкий круг устных сведений, получаемых в ходе процессуальной деятельности, но не относящихся к показаниям (объяснения в стадии возбуждения уголовного дела, устные заявления в ходе следственных и иных процессуальных действий, пояснения в ходе судебных заседаний в досудебном производстве и др.).

В работе демонстрируется, что произошло дробление процессуальных форм применения специальных знаний. К существовавшим ранее результатам исследований (заключение эксперта) добавились показания эксперта, заключение и показания специалиста. Анализируется научная полемика о сущности заключения специалиста (В. М. Быков, Т. Н. Бородкина, Е. П. Гришина, Е. А. Логвинец, Ю. Г. Плесовских и др.). Подмечается, что в ст. 226⁵ УПК РФ заключением специалиста названы результаты исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, что не согласуется с нормами ст. ст. 58 и 80 УПК РФ и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым заключение специалиста не связано с проведением исследования. Обращается внимание на нелогичность существования в свете нового регулирования трех процессуальных форм использования результатов специальных исследований, а также на тот факт, что норма о назначении повторной экспертизы после возбуждения уголовного дела по ходатайству сторон фактически означает градацию по юридической силе одного и того же вида доказательства.

В параграфе подробно анализируются нормы иных отраслей законодательства, связанных с производством расследований, в которых произошло существенное развитие порядка производства судебных и несудебных экспертиз. Выносятся на обсуждение тезис о том, что результаты таких исследований должны более широко привлекаться для проверки, оценки и использования в уго-

ловно-процессуальном доказывании, для чего необходима предлагаемая модификация такого вида доказательства, как заключение эксперта.

В работе отмечается изменение содержания вещественных доказательств, под которыми стали пониматься любые предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела. Произошло размывание границы между понятиями «иные документы» и «вещественные доказательства». Это негативно отразилось на правоприменительной деятельности. Сотрудники практических органов, опасаясь признания доказательств недопустимыми, стали в спорных ситуациях признавать документы вещественными доказательствами, что повлекло существенное увеличение затрат сил и средств на производство расследования. Критически оценивается отнесение сведений о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами к числу вещественных доказательств.

Значительные изменения произошли в содержании понятия «иные документы». Диссертант показывает, что, несмотря на продолжающуюся полемику сторонников (В. М. Бозров, В. И. Зажицкий, М. П. Поляков и др.) и противников (Е. А. Доля, А. В. Смирнов и др.) использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, фактически они рассматриваются как иные документы. К ним же относятся результаты деятельности различных государственных органов, в том числе и правоохранительных, участников со стороны защиты и др. Иные документы стали дублировать все остальные виды доказательств. В данной форме может быть представлена вербальная информация, результаты исследований с применением специальных знаний и даже результаты непосредственного восприятия, представляющие собой аналог протокола следственного действия в уголовном судопроизводстве.

Диссертант приходит к выводу, что существующая система видов доказательств не является оптимальной. Отсутствуют четко определенные границы между некоторыми видами доказательств. Не охватываются все сведения, которые могут быть получены в ходе уголовно-процессуальной деятельности. Не предусмотрены в качестве видов доказательств показания отдельных участников процесса, не определен статус устных заявлений, сделанных в ходе следственных и иных процессуальных действий и т. п.

Диссертант, анализируя точки зрения сторонников дальнейшей дифференциации видов доказательств (Р. В. Костенко, В. С. Балакшин) и авторов, выступающих за укрупнение видов доказательств (А. А. Давлетов, Е. А. Додин) и даже за отказ от деления доказательств на виды (Ю. Ю. Воробьева), приходит к мнению о нецелесообразности дальнейшего дробления видов доказательств. Обосновывается вывод, что система доказательств должна быть универсальной и позволять вовлекать в процесс доказывания любые законным способом полученные сведения.

Во *втором параграфе* «Конкуренция как аспект соотношения отдельных видов доказательств» заостряется внимание на главном, с позиции соискателя, проблемном вопросе современной системы видов доказательств.

Диссертант присоединяется к суждениям, что процессуальная форма должна обеспечивать полноту, всесторонность и объективность расследования (З. З. Зинатуллин, Ю. К. Орлов и др.), оставаясь при этом рациональной, простой и целесообразной (М. Л. Якуб). Современное усложнение процессуальной формы и, как проявление этого, дробление и изменение содержания видов доказательств отрицательно сказались на решении задач уголовного судопроизводства.

Несовершенство системы видов доказательств порождает между ними конкуренцию, под которой понимаются ситуации, когда сведения, могущие быть собранными и тем, и другим предусмотренным законом видом доказательств (на определенном историческом отрезке эти виды произошли от одного разделившегося доказательства), исключаются из использования на том основании, что они не отвечают специфическим правилам получения конкретного вида доказательств. Итогом соперничества всегда является победа одной из сторон, что применительно к видам доказательств означает приоритет одного над другим. При исключении из процесса доказывания сведений в определенной форме (в том числе полученных законным способом) возникает конкуренция видов доказательств.

Диссертант критически оценивает предложения по законодательному ограничению принципа свободы оценки доказательств (Ю. Ю. Воробьева) и градации доказательств по юридической силе (Р. А. Бостанов, В. С. Шишкин), признавая, что это имеет место в правоприменительной деятельности, высказывая опасения в связи с обозначившимися признаками возврата к теории формального доказывания.

Глава третья «Соотношение отдельных видов доказательств» построена на сравнительном анализе однородных сведений, относящихся в настоящее время к разным видам доказательств. В основе лежит тезис о том, что деление доказательств должно осуществляться в зависимости от существа сведений, что позволит сделать систему видов доказательств оптимальной и открытой для любых относимых, достоверных, полученных законным путем данных. Предлагается классификация доказательств по группам, в основе которых лежат: 1) вербальная информация; 2) результаты исследований с применением специальных знаний; 3) непосредственное восприятие (методом наблюдения); 4) иные сведения, не относящиеся к вышеуказанным группам. Данная глава посвящена первым трем группам сведений, так как именно с ними связано явление конкуренции.

В *первом параграфе* «Соотношение видов доказательств, которые формируются на основе вербальной (голосовой) информации» сопоставляются различные процессуальные оболочки для данного вида сведений, их обеспеченность процессуальными гарантиями.

Диссертант подразделяет устные сведения на виды: 1) показания, в том числе сведения, сообщаемые в ходе очной ставки, проверки показаний на месте, предъявления для опознания; 2) заявления при производстве прочих следствен-

ных действий; 3) заявления при производстве иных процессуальных действий (задержание, наложение ареста на имущество и др.); 4) объяснения и иные устные пояснения (явка с повинной, заявление о преступлении и т. п.) при проверке сообщений о преступлениях; 5) пояснения, данные в ходе судебных заседаний в досудебном производстве; 6) вербальная информация, зафиксированная в ходе исполнения запроса о правовой помощи. Кроме того, соискатель выделяет четыре группы устных сведений, формируемых за рамками уголовно-процессуальной деятельности: 1) показания, получаемые в рамках административных процессов (налоговые, таможенные и т. п.); 2) объяснения, полученные в ходе оперативно-розыскной и иной государственной деятельности по расследованию различного рода происшествий (авиационных, железнодорожных катастроф и т. п.); 3) объяснения и иные формы фиксации устных сведений в рамках деятельности, регламентируемой подзаконными актами; 4) результаты опроса, проведенного защитником, адвокатом, частным детективом.

Автор констатирует, что наибольшим доверием у правоприменителей (83,5%) пользовались показания, а иным устным сведениям придается второстепенное значение. Анализируя устные сведения через призму процессуальных гарантий, диссертант приходит к выводу, что все сведения, собираемые в ходе процессуальной деятельности, обеспечены таковыми. Вербальная информация, получаемая за рамками уголовного судопроизводства в ходе государственной деятельности, также в значительной части случаев обеспечена гарантиями достоверности.

С определением статуса вербальной информации, полученной в ходе следственных и процессуальных действий, в основе которых не лежит метод расспроса, возникают сложности. Диссертант соглашается с авторами, признающими ее доказательственное значение в качестве составляющей части такого вида доказательств, как протоколы следственных действий (С. И. Конева, В. А. Победкин). Вместе с тем природа данных сведений аналогична природе показаний. Поэтому соискатель присоединяется к предложениям считать показаниями любые устные сообщения, сделанные обвиняемым в ходе следственных и процессуальных действий (О. А. Глобенко, А. И. Абасов и др.), распространяя этот подход на иных участников уголовного судопроизводства.

Определяя причину негативного отношения ряда исследователей (М. С. Шалумов, В. А. Ярковой и др.) к сведениям, полученным в стадии возбуждения уголовного дела, автор приходит к выводу, что ею является негативная правоприменительная практика. Благодаря положениям Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ для такого отношения становится меньше оснований. Во-первых, объяснения прямо указаны в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в числе проверочных действий. Во-вторых, результаты проверки сообщения о преступлении названы доказательствами. На стадии возбуждения реализованы правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и обеспечены процессуальные гарантии, в том числе и для лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятель-

ность, включая возможность назначения защитника. Но, приравнивая результаты проверки к полноценным доказательствам, законодатель сохранил разные требования к допустимости показаний и иных устных сообщений.

В работе исследованы возможности использования в доказывании устных сведений, сообщенных в ходе судебных заседаний в досудебном производстве. С учетом отождествления любой деятельности суда с правосудием (И. С. Дикарев, А. П. Гуськова) не вызывает сомнений доказательственное значение протоколов судебных заседаний, в которых зафиксирован ход рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, ходатайств следователя и т. п. Изучение материалов, связанных с рассмотрением ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, показало, что протоколы судебных заседаний в большинстве случаев информативны и содержат подробные пояснения обвиняемых, а иногда и свидетелей, не уступающие показаниям.

Решение проблемы конкуренции между различными уголовно-процессуальными формами вербальных сведений видится не в придании отдельным сведениям на законодательном уровне доказательственного значения, а в унификации процессуальной формы для данного вида информации. Оптимальным будет возвращение к дореволюционному опыту, когда любые устные сообщения в процессе расследования считались показаниями.

Подвергнуты анализу сведения, получаемые защитником, иными участниками уголовного судопроизводства. Положительно оценена практика использования в доказывании результатов опросов, проведенных защитниками, и отнесения их к иным документам. Обоснован вывод о возможности и необходимости использования в доказывании любых вербальных сведений, зафиксированных и представленных участниками уголовного судопроизводства.

Сравнительное исследование процедур получения устных сведений в рамках административных процессов (в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и др.) показало, что получение показаний (объяснений) обеспечено достаточным объемом процессуальных гарантий, позволяющим говорить о возможности использования данных сведений по правилам оглашения показаний (соблюдение требований ст. 281 УПК РФ и т. п.).

Во *втором параграфе* «Соотношение видов доказательств, которые формируются на основе использования специальных знаний» предметом анализа выступают развитость процедуры и обеспеченность гарантиями достоверности различных форм применения специальных знаний, среди которых диссертант выделяет: 1) заключение и показания эксперта; 2) заключение и показания специалиста; 3) результаты исследований, проводимых специалистом в стадии возбуждения уголовного дела и в процессе расследования; 4) результаты ревизий и документальных проверок, проводимых по заданию органов расследования. Кроме того, это результаты: 1) судебных экспертиз в рамках гражданского процесса и производства по делам об административных правонарушениях; 2) несудебных экспертиз, проведенных в соответствии с федеральным законо-

дательством; 3) исследований, осуществляемых по требованию участников уголовного судопроизводства за рамками процессуальной деятельности; 4) исследований в ходе оперативно-розыскной деятельности; 5) аудиторских проверок; 6) ведомственных и иных исследований, предусмотренных подзаконными актами или внутренними актами организаций и др.

В силу предписаний закона (ст. 196 УПК РФ), разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сложившейся правоприменительной практики заключение эксперта как доказательство, полученное в результате более развитых правоотношений, обладает приоритетом по отношению к другим формам использования специальных знаний.

Одной из гарантий использования специальных знаний должна выступать возможность проведения альтернативных исследований, которые будут способствовать обеспечению интересов как стороны защиты (Е. П. Гришина, С. А. Саушкин и др.), так и потерпевших (А. О. Бестаев). В работе проанализирована вероятность расширения перечня случаев обязательного назначения судебных экспертиз. Данный путь представляется непродуктивным, так как трудно учесть все возможные случаи применения специальных знаний и достижений научно-технического прогресса.

Порядок производства экспертиз в соответствии с иными федеральными законами практически полностью повторяет уголовно-процессуальную процедуру, что, по мнению диссертанта, исключает причины недоверия им по формальным основаниям. Проведение ревизий, аудиторских проверок и т. п., несмотря на отличающийся порядок, обеспечено серьезными гарантиями проверяемости и достоверности.

Соискатель приходит к выводу, что результаты исследований в стадии возбуждения уголовного дела носят процессуальный характер. Методика самого исследования не отличается от методики проведения экспертизы. Усиление регулирования стадии возбуждения уголовного дела, прямое указание на доказательственное значение результатов экспертизы, возможность отказа от ее проведения в рамках сокращенного дознания при наличии результатов исследований не позволяют более отрицать доказательственного значения последних. Однако существование нескольких аналогичных форм использования специальных знаний неоптимально и неизбежно будет обуславливать приоритет одной из них. Согласно результатам анкетирования 84% опрошенных по разным причинам при оценке доказательств отдают предпочтение заключению эксперта по отношению к результатам исследований.

Диссертант приходит к выводу о необходимости существования одной формы проведения исследований в рамках уголовного судопроизводства — судебной экспертизы. Результаты государственной судебно-экспертной деятельности могут быть допущены наравне с результатами экспертизы в рамках уголовного дела. Использование иных форм специальных знаний должно быть связано с возможностью проверки достоверности изложенных в них сведений.

В *третьем параграфе* «Соотношение видов доказательств, формируемых в результате непосредственного восприятия (методом наблюдения)» предприятия попытка провести сравнительное исследование следственных действий и аналогичных по своей гносеологической природе познавательных действий в рамках оперативно-розыскной, административной, частной детективной и иной деятельности.

Диссертант указывает на соответствие ряда оперативно-розыскных мероприятий и иных действий в ходе административных расследований критериям следственных действий. Нормативно отдельные результаты оперативно-розыскной деятельности потенциально используются более свободно, чем сведения, полученные в рамках процессуальной деятельности. В частности, результаты применения технических средств носят вспомогательный характер по отношению к протоколу следственного действия, порядок документирования результатов оперативно-розыскной деятельности не регламентирован в законе, поэтому аудио-, видеозаписи, фотоснимки и т. п. имеют самостоятельное значение. Одновременно в систему следственных действий включаются, по существу, оперативно-розыскные мероприятия.

Познавательные процедуры, основанные на непосредственном восприятии, в административных процессах нередко копируют название и процедуру проведения аналогичных следственных действий (например, осмотр и выемка в рамках налогового расследования). Другие познавательные действия, напротив, не могут быть проведены в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (например, режимные мероприятия в местах лишения свободы и т. п.), но обеспечены собственными гарантиями. Это позволяет говорить о возможности использования результатов иных познавательных действий, осуществляемых государственными органами, в доказывании наравне с протоколами следственными действиями.

Диссертант, основываясь на результатах изучения следственной и судебной практики, интервьюирования адвокатов и личном опыте следственной работы, предупреждает от абсолютизации процедурных гарантий обеспечения точности отображения сведений в протоколе следственного и судебного действия, решительного противопоставления протоколов следственных действий протоколам их аналогов в других сферах деятельности, пренебрежения последними.

Обосновывается вывод об одинаковой природе деятельности защитника и иных участников уголовного судопроизводства по собиранию сведений, которые могут быть использованы в доказывании. Является неоправданным именование деятельности защитника собиранием доказательств, а деятельности иных субъектов, в том числе адвокатов-представителей, — собиранием сведений. Использование в доказывании сведений, представленных участниками уголовного процесса, должно осуществляться на равных основаниях.

Автор солидарен с учеными нижегородской процессуальной школы, в том что важнейшей задачей доказывания является обеспечение проверяемости до-

казательств в ходе судебного разбирательства. Поэтому приоритет уголовно-процессуальной формы должен заключаться в проверке и оценке сведений средствами уголовного судопроизводства, но не в исключении доброкачественных сведений из-за отличия в процедуре их собирания.

Анализируя различные критерии ограничения вещественных доказательств, такие как наличие в них информации в неизменном (некодированном) виде (Ю. К. Орлов), связь с уголовным делом и отражение сведений, в формирование которых не вовлечено сознание человека (А. Н. Попова), незаменимость и др., автор приходит к выводу, что они не позволяют провести четкую границу между видами доказательств. Широкое распространение получили документы, в формирование которых не вовлечено сознание человека (автоматизированные базы данных и т. п.), кодированные копии следов преступления (цифровые фотографии следа, пригодные для идентификации и т. д.), не относящиеся к данному виду доказательств.

Вещественные доказательства, в отличие от других категорий, перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, не являются разновидностью процессуальной формы. Сведения, содержащиеся на них, могут быть введены в процесс доказывания только через другие виды доказательств: как правило, через протоколы следственных действий и заключение (показания) эксперта, поэтому мотивируется исключение вещественных доказательств из системы видов доказательств.

Диссертант отмечает, что есть документы, которые нельзя отнести к указанным в данной главе трем группам доказательств. Это различного рода справки, характеристики, ответы на запросы и т. п., содержащие сведения обобщенного характера, полученные составителем из иных источников, различные справочные и информационные материалы, результаты консультативной помощи (в том числе заключение специалиста). Они могут иметь важное значение при разрешении уголовного дела, но аналогов среди других видов доказательств не имеют, а потому не конкурируют с ними.

С учетом изложенного оптимальной представляется система видов доказательств, включающая четыре вида: 1) показания; 2) заключение эксперта; 3) протоколы процессуальных действий; 4) иные документы.

В **заключении** излагаются основные выводы и предложения, сформулированные в ходе диссертационного исследования.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих работах:

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций

1. *Козловский П. В.* Использование результатов оценки невербального поведения в доказывании // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 1. С. 17–20 (0,5 п. л.).

2. *Козловский П. В.* Отдельные аспекты недопустимости показаний подозреваемого и обвиняемого // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 143–146 (0,34 п. л.).

3. *Булатов Б. Б., Козловский П. В.* Показания как вид доказательств нуждаются в совершенствовании // Рос. следователь. 2012. № 9. С. 19–22. (0,5 п. л./0,5 п. л.).

4. *Козловский П. В.* Эволюция видов доказательств // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 4. С. 64–68 (0,52 п. л.).

5. *Грушко Н. В., Козловский П. В.* Особенности расследования преступлений, совершенных представителями деструктивных религиозных культов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 4. С. 66–69 (0,53 п. л./0,53 п. л.).

Иные публикации

6. *Козловский П. В.* Вещественные доказательства и иные документы: вопросы разграничения // Законодательство и практика. 2007. № 2. С. 35–36 (0,2 п. л.).

7. *Козловский П. В.* Использование результатов служебных расследований в доказывании по уголовному делу // Преемственность и новации в юридической науке : мат-лы науч. конф. адъюнктов и соискателей. Омск : Омская академия МВД России, 2009. Вып. 5. С. 119–123 (0,22 п. л.).

8. *Козловский П. В.* Соотношение судебной экспертизы и несудебных экспертиз, предусмотренных федеральным законодательством // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения : сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. Омск : Омская академия МВД России, 2009. Вып. 16. С. 153–157 (0,33 п. л.).

9. *Козловский П. В.* Соотношение понятий «вид доказательств», «источник доказательств», «форма доказательств», «перечень доказательств» // Преемственность и новации в юридической науке: мат-лы науч. конф. адъюнктов и соискателей. Омск : Омская академия МВД России, 2010. Вып. 6. С. 114–116 (0,2 п. л.).

10. *Козловский П. В.* Использование в доказывании протокола явки с повинной // Совершенствование деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью в современных условиях: мат-лы межд. науч.-практ. конф. (2–3 ноября 2010 г.). Тюмень : Тюменская областная Дума, Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 2010. Вып. 7. Ч. 2. С. 80–83 (0,38 п. л.).

11. *Козловский П. В.* Преюдициальное значение приговоров и иных судебных актов в уголовном судопроизводстве // Законодательство и практика. 2010. № 2. С. 54–55 (0,2 п. л.).

12. *Козловский П. В.* Соотношение различных видов доказательств в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Преемственность и новации в юридической науке : мат-лы науч. конф. адъюнктов и соискателей. Омск : Омская академия МВД России, 2011. Вып. 7. С. 115–118 (0,22 п. л.).

13. *Козловский П. В.* Проблемные аспекты использования заключения специалиста // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск : Томский государственный университет, 2011. Ч. 51. С. 61–65 (0,27 п. л.).

14. *Козловский П. В.* Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: вопросы соотношения // Вестник Омского юридического института. 2011. № 1. С. 104–106 (0,23 п. л.).

15. *Козловский П. В.* Федеральный закон «О полиции» как источник доказательственного права // Полиция — новый институт современной государственной правоохранительной системы : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (15–16 сентября 2011 г.) Омск : Омская академия МВД России, 2012. С. 122–124 (0,17 п. л.).

16. *Грушко Н. В., Козловский П. В.* Особенности расследования уголовных дел, связанных с деятельностью экстремистских религиозных организаций // Законодательство и практика. 2012. № 1. С. 35–39 (0,3 п. л./0,3 п. л.).

17. *Козловский П. В.* Соотношение видов доказательств, формируемых на основе непосредственного восприятия (методом наблюдения) // Совершенствование деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью в современных условиях : мат-лы междунар. науч. практ. конф. (2–3 ноября 2012 г.). Тюмень : Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 2012. Вып. 9. С. 307–312 (0,5 п. л.).

Подписано в печать 09.04.2013 г.

Усл. печ. л. 1,4
Тираж 120 экз.

Уч.-изд. л. 1,5
Заказ № 172

ГПиОП Омской академии МВД России
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7